

УДК 820(73)

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ, ПРЕВРАЩЕННАЯ В РОМАН: «ПО НАСЛЕДСТВУ» Ф.РОТА

© О.Б.Карасик

Роман Филипа Рота «По наследству» (1991) имеет подзаголовок «Подлинная история». В этой книге писатель рассказывает историю последних лет жизни своего отца Германа Рота – от момента, когда он узнает страшный диагноз, и до смерти. История смерти отца становится автобиографией самого Ф.Рота: наблюдая последние моменты его жизни, он становится ближе к отцу, все более осознает свою связь с ним и семейной историей.

Ключевые слова: документальный роман, семейная история, Америка, смерть, преемственность.

Большинство произведений выдающегося современного американского писателя Филипа Рота (Philip Roth, род. 1933) содержит элементы автобиографии. Он использует воспоминания своего детства, проведенного в еврейском квартале Ньюарка (например, в романах «Случай Портного» и «Заговор против Америки»), истории близких друзей и родственников (в романах «Американская патораль» и «Мой муж – коммунист!»), свой преподавательский и писательский опыт (все романы, в которых главными героями являются «вторые я» Ф.Рота Натан Цукерман и Дэвид Кепеш), историю своего брака (роман «Обман») и т.д. В некоторых из них Ф.Рот даже не меняет собственного имени. Однако в жанровом отношении они являются именно художественными произведениями. Есть у Ф.Рота и опыт создания книг в жанре non-fiction («Факты: автобиография романиста», «Читая себя и других»). Книга «По наследству» (*Patrimony*), которая была опубликована в 1991 г., не подпадает ни под одну из этих категорий. Сам писатель фактически отказался определять ее жанр, не назвав ее ни романом, ни non-fiction, однако он дал подзаголовок к названию – «Подлинная история» (*A True Story*). Читатели, знакомые с творчеством Ф.Рота, привыкли к тому, что он часто играет с жанрами, представляя вымысел как правду и наоборот, но в данном случае этот подзаголовок вовсе не игра. Это, действительно, подлинная история, история смерти Германа Рота – отца писателя. В то же время структура сюжета и система образов позволяют нам говорить об этом произведении как о романе. Таким образом, можно утверждать, что им является традиционный в американской литературе документальный роман, т.е. произведение, в котором излагаются реальные события, показывающиеся реальные люди, но манера повествования свойственна художественной литературе. Классическими примерами подобных произведений служат романы

Т.Капоте «Хладнокровное убийство» (1965, первое произведение в этом жанре) и Н.Мейлера «Песнь палача» (1979). В своей диссертационной работе, посвященной феномену «американской мечты» в художественно-документальной прозе США, Ж.Г.Коновалова отмечает: «Капоте называет свою форму «документальный роман» (non-fiction novel), тогда как Мейлер пишет о «Песни палача», что создал «правдивый роман» (true life novel)» [1: 149]. До сих пор ведутся дискуссии о жанровой разновидности романа. В американской литературе документальный роман с 60-х гг. XX века стал традиционным, сегодня его постепенно перенимают и другие национальные литературы. Таким образом, мы можем утверждать, что книга Ф.Рота – это именно документальный роман. Однако в отличие от Т.Капоте и Н.Мейлера, которые описывали события национального (а порой и мирового) масштаба, Ф.Рот берет за основу историю собственной семьи – самой обычной семьи еврейских иммигрантов, обосновавшихся в США в начале XX века.

Слово *patrimony* может переводиться на русский язык и как «наследство», и как «наследие». И тот и другой переводы вполне соответствуют замыслу писателя. Он рассказывает историю последних лет жизни отца начиная с того момента, когда он узнает о страшном диагнозе, и заканчивая смертью отца. Повествование часто прерывается воспоминаниями отца и самого Ф.Рота о детстве и юности, экскурсами в историю семьи и историю иммигрантской Америки в целом. По нашему мнению, эта книга – одно из наиболее сильных произведений Ф.Рота как в художественном отношении, так и по своему эмоциональному воздействию. Писатель использовал весь свой талант для того, чтобы донести до читателя историю своего отца. При том что речь идет о страшной болезни и постепенном и мучительном умирании, роман вовсе не похож на слезливую историю, призванную вызвать жалость к герою.

Напротив, Ф.Роту удалось показать, с каким достоинством его отец принимает неизбежное, и это, несомненно, вызывает уважение к герою книги, как со стороны автора-сына, так и со стороны читателей. Ф.Рот не ставил себе целью создать трагедию. Его история – это пример того, как может и должен человек прожить жизнь и как достойно принять ее конец. Таким образом, обычный человек, бывший страховой агент, еврейский иммигрант Герман Рот, становится не просто героем романа, но и героем в общем смысле этого слова.

С первых страниц романа Ф.Рот вспоминает семейную историю. Еще до того, как восьмидесятишестилетний Герман Рот узнает о страшном диагнозе, он дает своим сыновьям понять, что осознает приближение конца. При этом он хочет уйти достойно, не причинив неудобств своим близким:

«Не хотел бы уйти, как мой отец. Не хочу лежать пластом. Меня это страшит больше всего.

Он рассказывал мне, что обычно заезжал к отцу в больницу с утра пораньше по дороге в контору и вечером по дороге из конторы домой. Два раза в день он прикуривал сигареты и совал их в рот отцу, а вечером присаживался к его постели и читал ему идишские газеты. Обездвиженный и беспомощный, сигареты – единственная радость в жизни, Сендер Рот протянул чуть не целый год, и все время, пока глубокой ночью 1942 года его не прикончил второй удар, мой отец ежедневно, утром и вечером, сидел у его постели и смотрел, как он умирает» [2: 9]. Уже в начале книги Ф.Рот вспоминает о смерти деда, Сендера Рота, за которым ухаживал его отец. Он осознает, что теперь приходит его черед видеть смерть собственного отца. Таким образом, он подчеркивает не только семейную преемственность и обязанности сына по отношению к отцу, но и естественный ход самой жизни, в которой младшее поколение провожает в последний путь старших.

Страшный диагноз, поставленный отцу (опухоль мозга), осознанный отказ от операции (по причине возраста) и сама ситуация, в которой оказывается писатель, естественно наводят его на философские размышления о жизни и смерти, а именно о быстротечности жизни и неизбежности смерти. Когда Филип ехал к отцу, чтобы сообщить ему о диагнозе, он случайно перепутал поворот и внезапно осознал, что свернул на дорогу, ведущую к кладбищу, на котором похоронена его мать. Сам писатель подчеркивает, что этот эпизод был бы очень удачен и символичен для романа, однако это произошло в реальности.

Могила матери заставляет его вспомнить самый знаменитый в мировой литературе «кладбищенский» эпизод – сцену из трагедии У.Шекспира «Гамлет». Писатель подчеркивает тот факт, что мысли о неизбежности смерти свойственны каждому: *«На мой взгляд, стоя у могилы, все мы думаем примерно одно и то же, и мысли эти не слишком отличаются, за вычетом красноречия, от мыслей Гамлета над черепом Йорика. Ну что такого можно подумать или сказать, что не будет вариацией на тему “он тысячу раз носил меня на спине”»* [2: 15]. Уже в этом эпизоде, в начале романа, понятно, что автор не собирается придавать пафоса, «высокого» трагизма и тем более сентиментальности той истории, которую начинает рассказывать. Это обычная история обычного человека, однако от этого она не менее заслуживает того, чтобы быть превращенной в литературное произведение. Отчасти это можно назвать своеобразной защитной реакцией человеческой психики – ведь Ф.Рот пишет подлинную историю, причем начал он писать ее еще при жизни отца, когда в действительности узнал о страшном диагнозе. Он стремится «поместить беду в контекст» [2: 44], чтобы не остаться с ней один на один, напомнить самому себе, что люди сталкивались и будут сталкиваться с подобным на протяжении всего существования человечества.

Самому писателю справиться с ситуацией помогает юмор. Конечно, эту книгу нельзя назвать такой феерически смешной, как некоторые другие произведения Ф.Рота. Однако и здесь появляется традиционный для него «смех сквозь слезы», который тоже фактически представляет собой самозащиту, которую вырабатывает человеческая психика в тяжелой ситуации. Поэтому в начале романа Филип иронично передает слова врача, осматривавшего отца, когда у него начали проявляться первые признаки болезни: *«Послушайте, сказал врач, не гневите Бога: если не считать, что вы ослепли на один глаз, оглохли на одно ухо и у вас парализована половина лица, здоровье у вас такое, что человек и на двадцать лет моложе мог бы позавидовать»* [2: 10]. Действительно, в первой главе книги эти слова звучат обнадеживающе. С другой стороны, читатель, да и сам автор уже понимают, что речь идет о восьмидесятишестилетнем старике, и с каждым годом ситуация будет только ухудшаться, пока не приведет к неизбежному.

Ф.Роту вновь вспоминается великая трагедия У.Шекспира, когда он получает томографические снимки, подтвердившие диагноз отца: *«Если бы Гамлет рассматривал МРТ [магнитно-резонансная томография/томограмма] мозга Йо-*

рика, не исключено, что и ему не удалось бы изречь ничего путного» [2: 80]. Очевидно, что этот мрачный юмор вызван тем, что писатель осознает неизбежность смерти, на которую не влияет технический прогресс и достижения современной медицины.

Именно неизбежность смерти как естественного завершения жизни является, на наш взгляд, основной темой этой книги. Ф.Роту удалось избежать жалостливых и сентиментальных описаний и представить своего отца как настоящего героя, при этом он все время подчеркивает, что он обычный человек, ничем не выдающийся, а просто честно работавший, любивший свою семью и проживший долгую и счастливую жизнь. Фактически книга становится не столько биографией отца писателя Германа Рота, хотя именно он здесь является главным персонажем, сколько биографией самого Филипа Рота. Писатель делится своим опытом, который он тоже не считает необычным. Наоборот, он подчеркивает тот факт, что с тем, что он испытывает сейчас, рано или поздно столкнется любой человек. В этом смысле даже сцены, которые в другом контексте могли бы показаться чересчур натуралистичными, предстают лишь как доказательство нерушимого естественного хода жизни: «<...> пока он жив, я не желал бы для себя ничего иного – так и положено, так оно и должно быть. Ты убираешь нечистоты за своим отцом, потому что нечистоты надо убрать, но это позволяет тебе пережить все, что должно пережить, с неизведанной дотоле силой» [2: 107].

Именно осознание конечности человеческой жизни заставляет Ф.Рота задуматься о семейной преемственности и непрерывности рода человеческого в целом.

Образ деда писателя, Сендера Рота, периодически появляется на всем протяжении повествования, в основном в воспоминаниях Германа. Для Филипа это далекий и туманный образ, он признается, что мало что знал о своем деде, кроме того, «что он курил весь день напролет, говорил исключительно на идише и не был склонен тетешкать своих американских внуков» [2: 18]. Однако, когда, узнав о смертельной болезни отца, Филип сближается с ним, начинает проводить больше времени в его доме, он все больше общается к непростой семейной истории и чувствует себя частью непрерывной мужской линии Ротов, каждый из которых прошел множество жизненных испытаний и смог выстоять, несмотря на трудности. Филип вспоминает о фотографии, сделанной, когда ему было семь лет, – его отец, его брат и он – вся мужская часть семьи Ротов – стоят в линейку по росту. Речь здесь

идет о подлинной фотографии из архива писателя, в оригинальной версии романа она помещена на обложку. Это фото символизирует ту самую преемственность, которую начинает осознавать писатель. Однако выясняется, что он очень мало знает о своих предках. И вот, сблизившись с отцом, уже зрелый Филип Рот узнает подробности того, как в 1897 г. его дед Сендер приехал в Америку из Львова, как обустроивал новую жизнь для себя и своей семьи, какие трудности встретил на своем пути, как смог осуществить «американскую мечту» и обеспечить будущее своим детям. Таким образом, получается, что время действия романа охватывает почти столетие – с конца XIX века до 1988 г., когда скончался Герман Рот.

Символом семейной истории и мужской преемственности в книге является фарфоровая бритвенная кружка, принадлежавшая когда-то Сендеру Роту, которая «была единственным осязаемым предметом, который позаботились сохранить в память о нашей иммигрантской жизни в Ньюарке» [2: 18]. Причем писатель не раз подчеркивает, что эта кружка была не просто семейным «сокровищем», но чисто мужским предметом, заставлявшем Филипа и его старшего брата брать пример с отца, который, в свою очередь, когда-то брал пример с деда. «После смерти деда бритвенная кружка в нашей ванной более зримо вызывала к жизни его образ не как деда, но в куда более интересном для меня в ту пору качестве: мужчина как мужчина...» [2: 18]. Именно эта кружка и составит впоследствии едва ли не единственное наследство, полученное Филипом от отца. Писатель сознательно откажется от прав на наследство, и отец незадолго до смерти своими руками подарит ему эту кружку.

Осознание скорой кончины отца заставило Ф.Рота не только задуматься о семейной истории, но и вспомнить о своем происхождении, причем не в контексте литературного творчества, как это было до этого. Герои многих романов Ф.Рота – американские евреи, которые посвящают свою жизнь тому, чтобы превратиться в «настоящих» американцев, осуществить «американскую мечту» в том виде, в котором они ее понимают, но в результате оказываются чуждыми тому обществу, в которое стремятся войти. В романах это зачастую выглядит комично (как, например, в «Случае Портного», «Моей мужской правде»), а иногда и приводит героя к трагедии (в «Американской пасторали»). В книге «По наследству» Ф.Рот рассказывает о том, как его престарелые родители вдруг начинают проявлять интерес к иудаизму: «Раньше, когда папа был загруженным сверх головы страховым агентом,

он мало связывал свое еврейство с обрядовой стороной религии, и, как и большинство наших соседей, американских отцов первого поколения, посещал синагогу лишь по Великим праздникам, ну и как плакальщик, если того требовали обстоятельства. Да и дома никаких обрядов не соблюдал. Однако после выхода отца на пенсию родители, в последние десять лет жизни мамы особенно, посещали службы, как правило, по вечерам в пятницу, и, хоть он и не накладывал филактерии – так далеко дело не зашло, иудаизм его стал более связан с синагогой, службами и раввином, чем всю остальную жизнь, за исключением детства» [2: 58].

Сознательно отказавшись от материального наследства, автор испытывает разочарование, узнав, что отец «избавился» от тфилина (в русском варианте романа – филактерии). Он подробно объясняет читателю, что это «две кожаные коробочки с библейскими речениями внутри – ортодоксальные евреи каждый день поутру прикрепляют тонкими ремешками: одну на лоб, другую на левую руку для молитвы» [2: 58]. Действительно, тфилин – это сугубо религиозный предмет, который используют для молитвы только мужчины. Для Филипа он становится таким же символом, как и дедовская бритвенная кружка, ведь тфилин мужчины передают внутри семьи из поколения в поколение, его, даже если не используют, бережно хранят вдали от посторонних глаз. Ф.Рот не раз утверждал в своих интервью, что не является религиозным, хотя и осознает себя евреем, его произведения доказывают его этническую и писательскую идентичность. Однако в этой ситуации он искренне сожалеет, что отец отдал тфилин посторонним: «Почему отцу не пришло в голову передать филактерии Сету и Джонатана [сыновья старшего брата Филипа Рота], понять несложно, но, труднее понять, почему он не отдал их мне. Мои племянники, выросшие во внерелигиозном этносе, не имевшие понятия об иудаизме, евреями были лишь номинально...» [2: 61]. Фактически в этом документальном произведении Ф.Рот проводит ту же мысль о неосознанном возвращении к еврейству, что и в своих романах. Будучи далеким от обрядовой стороны иудаизма, писатель все же гораздо больше чувствует себя евреем, чем его племянники, выросшие в Америке конца XX века, никогда не слышавшие идиша, для которых

Холокост стал лишь трагической частью истории, не имеющей отношения к ним лично. С другой стороны, признавая себя евреем и даже сожалея об утрате тфилина, писатель все же остается американцем. Его отец давно осознал себя частью американской нации (в отличие от деда, для которого США были лишь средством спасения от европейского антисемитизма). Вся семья говорит исключительно по-английски; идиш, на котором общались дед и бабушка, давно забыт. Кроме того, Ф.Рот, как и во многих своих произведениях, здесь делает акцент именно на отношениях с отцом, на отцовской преемственности, что несколько противоречит законам иудаизма, где принадлежность к еврейству определяется по матери. Таким образом, в лице самого Филипа, его отца и брата, мы видим типичных современных евреев США, которые не забывают о своих корнях, но в то же время чувствуют себя гражданами США. Вероятно, именно последние годы отца, тесное общение с ним заставили писателя осознать себя частью американской нации. В 90-е и 2000-е гг., уже после смерти Германа Рота, Филип Рот написал несколько произведений, в которых речь идет об истории США. Это романы, составившие «Американскую трилогию»: «Американская пастораль» (1997), «Мой муж – коммунист!» (1998) и «Людское клеймо» (2000), а также роман «Заговор против Америки» (2004). Писатель вовсе не идеализирует американскую жизнь, а скорее критикует ее, но само обращение к этой теме, по нашему мнению, могло быть вызвано той частью семейной еврейско-американской истории, которую он узнал и прочувствовал в последние годы жизни отца.

Таким образом, подлинная история семьи Ротов и история последних лет жизни отца писателя вписаны им в контекст национальной истории и предстают в качестве романа, повествующего о современной Америке, а также о естественных законах жизни.

1. Коновалова Ж.Г. «Американская мечта» в художественно-документальной литературе США второй половины XX века: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2009. – 213 с.
2. Рот Ф. По наследству // Иностранная литература. – 2010. – № 3. – С. 8 – 145.

FAMILY STORY TURNED INTO A NOVEL: PH.ROTH'S *PATRIMONY*

О.В.Карасик

Philip Roth's novel *Patrimony* (1991) has a subtitle – *A True Story*. The author tells the story of his father Herman Roth's last years, beginning with a terrible diagnosis and ending with his death. And this story of his father's death becomes the autobiography of Roth himself, which is understandable as the author gets more and more intimately involved with his father's living and dying.

Key words: non-fiction novel, family story, America, death, succession.

* * * * *

Карасик Ольга Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Института филологии и искусств Казанского федерального университета.

E-mail: karassik1@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.05.2012